

Ярослав Божко

«Новый национализм» Дмитрия Донцова: между интегральным национализмом и консервативной революцией*

В среде современных украинских националистов Дмитрий Донцов до сих пор остается едва ли не наиболее читаемым автором и широко известным идеологом, несмотря на то, что при жизни его потуги в сфере практической политики оказывались провальными. Он никогда не был членом ОУН, а уж тем более официальным ее идеологом. Как утверждает украинский исследователь Г. Касьянов, вопреки расхожему мнению, «для деятелей ОУН из эмигрантской среды 1920-30-х годов Донцов с его идеями не имел статуса мессии и ключевого идеолога»¹.

Идеи Донцова не воспринимались большинством действующих членов ОУН и националистического украинского подполья в Польше 1920-30-х, в том числе и из-за его пропольских геополитических симпатий. Определенным образом, это сыграло на пользу его же популяризации: в Польше 1920-1930-х годов труды Донцова никогда не попадали под запрет, в отличие от изданий ОУН. Националистически настроенная молодежь Западной Украины тех времен имела куда больше доступа к работам Донцова, нежели к газетам и книгам, издаваемым идеологами ОУН, что во многом и объясняет большую популярность этого идеолога в Галичине 1920-1930-х годов. Подобной мысли придерживается и один из деятелей ОУН(м) Владимир Мартынец, излагая соотношение идеологий Донцова и непосредственно самой ОУН в своей книге *Идеология организованного и т.н. «волевого» национализма*².

Свежий и интересный подход к исследованию взглядов Дмитрия Донцова предлагает украинский исследователь А. Зайцев, который считает его продолжением европейских образцов интегрального национализма как особого авторитарного национализма нового типа³. Зайцев соглашается с А. Умландом в том, что применение термина «консервативная революция» как родового понятия не оправдано⁴. Вместе с тем, Дмитрий Донцов причисляется к когорте консерватив-

* Статья публикуется после значительных изменений и добавлений со стороны редакции – прим. ред.

¹ Касьянов Г. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН) // Ізборник. <http://litopys.org.ua/kasian/kas201.htm>. Последнее посещение 20 июня 2016.

² Мартынец В. Ідеологія організованого і т. зв. «волевого» націоналізму. Вінніпег, 1954.

³ Зайцев А. Доктрина Дмитрия Донцова // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 175-194.

⁴ Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 116-126.

ных революционеров украинским исследователем М. Чугуенко⁵. Среди других попыток осмысления Донцова выделяются также работы молодых украинских исследователей Е. Семеняки, Э. Юрченко и И. Загребельного, которые однозначно рассматривают Дмитрия Донцова в качестве консервативного революционера и радикального традиционалиста, подобного Рене Генону, Юлиусу Эволе и другим мыслителям в этой традиции. Причем, И. Загребельный посвятил рассмотрению Донцова как консервативного революционера отдельную книгу *Национализм против Модерна*⁶. Однако взгляды трех указанных исследователей не являются беспристрастными: все они ангажированы в украинской правой политической среде. Они тем самым чем-то напоминают популяризатора самого термина «консервативная революция» в академических кругах Армин Молер, который также симпатизировал предмету своих исследований и был лично хорошо знаком с Эрнстом Юнгером⁷.

Несмотря на различие мнений относительно того, к кому же стоит причислять Донцова, к представителям интегрального национализма (позиция А. Зайцева) либо же считать его представителем украинской версии консервативной революции (позиция в первую очередь М. Чугуенко и И. Загребельного), стоит все же вывести единую логику таких обобщений, к чему они ведут в общих чертах. И А. Зайцев, и И. Загребельный, и другие авторы, рассматривающие взгляды Донцова в указанных координатах, как правило активно проводят параллели с европейскими аналогами идей Донцова, подобными ему публицистами и идеологами в первую очередь потому, что этим они подчеркивают то, что идеи Донцова межвоенного (да и послевоенного тоже) периода принадлежат к общеевропей-

<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/3Umland06.pdf>.

⁵ Чугуенко М.В. Формування та розвиток ідеології Дмитра Донцова: Автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук. Харків, 1998.

⁶ Загребельний І. Націоналізм versus модерн: життя та творчість Дмитра Донцова в оптиці консервативної революції. К., 2014.

⁷ Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Ein Handbuch. Darmstadt, 1989. Далее см.: Breuer St. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993; Woods R. The Conservative Revolution in the Weimar Republic. Basingstoke, 1997; Pfahl-Traugher A. Konservative Revolution und Neue Rechte: Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. Opladen, 1998; Siefert R.P. Die Konservative Revolution: Fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Werner Sombart, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freier). Frankfurt am Main, 2001. Среди первых серьезных русскоязычных научных исследований, напр., в хронологическом порядке: Рормозер Г., Френкин А.А. Консервативная революция // Политические исследования. 1992. № 1. С. 202-207; Люкс Л. Евразийство и консервативная революция: соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57-69; Сокольская И. Б. Консервативна ли консервативная революция? О хронологической шкале политических теорий // Политические исследования. 1999. № 6. С. 119-128; Нестерова Т. П. Идея «консервативной революции» и итальянский традиционализм фашистской эпохи // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке / Под ред. А. Г. Нестерова. Екатеринбург, 2000; Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов: проблемы интерпретации // Политические исследования. 2002. № 4. С. 94-107; Мёллер ван ден Брук А. Третий Рейх (Вводная статья и комментарий С.Г. Алленова) // Политические исследования. 2003. № 5. С. 118-134.

ской тенденции, и его стоит рассматривать именно в таком контексте, т.е. сравнивая с другими европейскими интегральными националистами и консервативными революционерами. Иными словами, не стоит рассматривать Донцова только как украинский феномен, деятельность которого была направлена исключительно на национально-освободительную борьбу за украинскую государственность. В пользу такой точки зрения говорит тот факт, что взгляды Донцова сформировались под влиянием европейской «философии жизни»; в этой связи М. Чугуенко, например, выделяет таких мыслителей, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет⁸.

Донцов, правда, никогда не называл себя консервативным революционером. Вместе с тем, его политические концепции вполне гармонично вписываются в это движение и стоят рассмотрения в его контексте. Эта констелляция напоминает ситуацию, среди других, с Артуром Меллером ван дер Бруком, который в своей ключевой книге *Третья империя* не употребил выражения «консервативная революция». Эрнст Юнгер также не воспринимал себя как «консервативного революционера». В определенной мере можно утверждать, что консервативной революции как единого упорядоченного движения вовсе не было – оно скорее обобщение ряда исследователей⁹. Например, трудно доказать, что Эрнст Никиш и Эдгар Юлиус Юнг были близки идеологически и организационно; наоборот, они находились на противоположных полюсах того, что сейчас иногда принято называть консервативной революцией.

Консервативно-революционное мировоззрение у Донцова проявилось в первую очередь в виде его одновременной оппозиции и западному (либерально-демократическому), и советскому (социалистическому) путям развития общества. Для представителей консервативной революции эти явления непосредственно происходили со времен Французской буржуазной революции, которая трактуется ими крайне негативно. В своей работе *За какую революцию* Донцов пишет: «Где гибнет дисциплина, данная свыше, где гибнет аристократия происхождения, крови или духа – там приходит аристократия палки (или гроша)»¹⁰. Здесь формулируется критика либерально-демократических элит («аристократия гроша») и социалистических вожakov («аристократия палки») как одинаково противных подлинному порядку вещей («аристократия духа»), который для Донцова имел очевидно консервативный характер.

Какой идеологический вектор консервативной революции представлял Донцов? Ведь внутри самого движения существовали как деятели, которые были

⁸ Чугуенко М. Життя та ідеї Дмитра Донцова. // Електронна бібліотека «Чтиво». http://shron.chtyvo.org.ua/Chuhuienko_Mykhailo/Zhyttia_ta_idei_Dm_Dontsova.pdf. Последнее посещение 26 июня 2016.

⁹ (К первым авторам, употребившим уже в 1927 году понятие «Консервативная революция», принадлежал австрийский писатель Хуго фон Хофмансталь. См.: v. Hofmannstahl H. Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation // idem. Gesammelte Werke: Prosa. Vol. 4. Frankfurt am Main, 1955. P. 390-413 – прим. ред.)

¹⁰ Донцов Д. За яку революцію. Торонто, 1957. С. 33.

сторонниками более свободной экономики, так и деятели, выбравшие большевизм и близость с социализмом (национал-большевики по типу Эрнста Никиша). Донцов был ближе к правому крылу консервативной революции, ввиду своего радикального неприятия большевизма и его левой политики в Украине. В то же время, Донцов симпатизировал литератору М. Хвильовому, который имел национал-большевистские взгляды.

Донцов поддерживал элитаризм, в частности, идею инициативного меньшинства как двигателя изменений в обществе. В своей наиболее известной работе *Национализм* (1926 г.) он пишет: «Фактором активным, несущим идею тем, где эта идея зарождается, является активное, или инициативное меньшинство»¹¹. Чуть ниже он цитирует немецкого консервативного революционера Освальда Шпенглера: «Нация, как все великие символы культуры, являются внутренним убеждением немногих людей».

Традиция, в понимании Донцова, радикально противопоставляется им идее прогресса. По его мнению, украинские прогрессисты максимально ослабили своими идеями традицию, тогда как красная Москва наоборот стремилась возродить царизм, т.е. традиционную для себя форму политического существования, в новой, советской форме. Прогнозируя крах советского режима и возвращения дореволюционных идей в новой форме (монархия, белогвардейщина, единая неделимая Россия), Донцов задает риторический вопрос: противопоставит ли Украина российскому традиционализму свой украинский традиционализм? Российский традиционализм для Донцова возможен как в белой, так и в красной форме. Он предсказывает после краха второго типа возвращение первого. В этой связи Донцов задает риторические вопросы: «Где будет идея самодержавия украинской нации? ... Где будет идея собственной милитантной (воинственной – Я.Б.) церкви? ... Где реакция против космополитических сил...? Все же эти идеи заплеваются "прогрессистами" как реакционные»¹². Прогрессизм, по мнению Донцова, не способен защитить Украину от московской экспансии – ни от новой монархической, ни от большевистской России. Все эти задачи может выполнить только, как выражается автор в тексте *Дух наших традиций*, «наш старый традиционализм»¹³.

Донцов ставит конкретные задачи перед традиционализмом в случае развала большевистского режима и создания украинского государства. Тогда, по его мнению, возникнет риск чрезмерно прогрессистских воздействий на Украину, в частности, опасность «политической анархии», «безбожия», «ненависти к сильной власти ... [и] всякого традиционализма, а следовательно и всякой истинной, исторической Украине»¹⁴. Политический идеал же Донцова – сильная власть,

¹¹ Донцов Д. Націоналізм. Львів, 1926. С. 212.

¹² Он же. Дух наших традицій. https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fshron.chtyvo.org.ua%2FDontsov%2FDukh_nashykh_tradytsii.doc. Последнее посещение 26 июня 2016.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 37.

традиционное украинское общество, украинская государственность, основанная на исторических традициях, нация, способная дать решительный отпор врагу, не сомневаясь в правильности своих поступков. Все это, по его мнению, окажется под угрозой в случае политической победы «прогрессистов» в новой Украине.

Правда, скорее всего, Дмитрий Донцов или вообще не слышал, или же мало знал об Артуре Меллере ван ден Бруке или Эрнсте Никише. Тем не менее, он отстаивал целый ряд идей, довольно подобных их концепциям. Важным связующим звеном между Донцовым и консервативной революцией (если, конечно же, соглашаться с ее существованием) были философия и мировоззрение Фридриха Ницше¹⁵, который колоссально повлиял на Донцова. Например, В. Бугера пишет о Донцове: «Донцов сразу схватывает у Ницше самое основное – его концепцию извечно присущего жизни человечества деления людей на господ и рабов и его критику "смазывания" этого деления как якобы упадка и деградации общества»¹⁶. Ницшеанские корни сильны и в немецкой консервативной революции, которая являлась, как и ницшеанство, проявлением реакции на декаданс и нигилизм. По словам Армина Молера, «в принципе, для нас существует единственная проблема – как покончить с декадентскими настроениями, охватившими наш мир»¹⁷.

Не менее близки Донцову романтизм как националистическое мировоззрение – и особенно идеи Йохана Готтлиба Фихте. Донцов указывает, что для Фихте романтизм был чувством принадлежности единицы к целому. Донцов трактует этот постулат анти-индивидуалистически и, следовательно, антилиберально. Он пишет: «Для романтика важнее благополучия является национальная миссия, важнее мира – борьба за нее...»¹⁸.

Хотя Донцов, видимо, не был знаком с большинством работ классиков консервативной революции, кроме текстов Шпенглера, он высказывает во многом подобные им идеи. Это может быть результатом частично общих философских учений, под влиянием которых формировались мировоззрения Донцова и его немецких современников: их объединяют Ницше, Фихте, ранний Шпенглер и ряд других мыслителей, которые оставили свои отпечатки в более поздних идеях консервативных революционеров. Так или иначе, и Донцов, и Юнгер, и другие консервативные революционеры пытаются ответить на вопросы, которые – как им кажется – задает миру декаданс.

¹⁵ Wolin R. The Seduction of Unreason: The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism. Princeton, 2006.

¹⁶ Бугера В. Ницшеанство как общественный феномен: его социальная сущность и роль // Фридрих Ницше. <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/politik/bugera-fenomen/?curPos=2>. Последнее посещение 28 июня 2016.

¹⁷ Цит. по: Семотюк О. Майбутнє об'єднаної Європи: погляд німецьких «нових правих» // Незалежний культурологічний часопис «І». 2000. № 16. <http://www.ji.lviv.ua/n16texts/semotuk.htm>. Последнее посещение 30 июня 2016.

¹⁸ Донцов. Націоналізм. С. 180.

В определенной мере, нахождение ответа на вызов декаданса в Европе является для Донцова более важным, нежели задача национально-освободительной борьбы украинцев. Донцов будто приносит в жертву украинские национальные интересы противостоянию декадансу в Европе своими полонофильскими взглядами. Так, во времена борьбы УВО и ОУН с польским государством за освобождение Западной Украины, он рассматривал Польшу и Литву как союзников Украины в рамках будущей Срединной Европы. Так Донцов писал в *Основаниях нашей политики*: «Для того нам выгодным было бы создание солидного блока государств от Балтики до Черного моря. Для того в наших интересах сильные Румыния, Венгрия и Польша»¹⁹. В том же труде Донцов пишет: «Той силой, на которую мы должны опереться, является так называемый империализм европейских государств, поскольку его направление коррелирует с направлением нашей внешней политики»²⁰.

Империалистическое мировоззрение вообще было характерным для традиционалистского и консервативно-революционного течений – вспомнить хотя бы Юлиуса Эвола и его *Языческий империализм*²¹. Артура Меллера ван ден Брука, который писал: «Мы должны будем иметь силы для того, чтобы и сейчас снова быть "Вельфами", исполненными собственного племенного сознания, и в то же время "Гибеллинами", представляющими имперскую идею. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть варварами и христианами, католиками и протестантами, южными немцами и северными немцами, западными немцами и восточными немцами. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть для самих себя здесь – пруссаками, а там – австрийцами или баварцами, швабами, франками, гессенцами, саксонцами, фризами, и при этом оставаться друг для друга – немцами»²². В этой цитате помимо имперских симпатий ван ден Брук также высказывает необходимость осознания соборности и единства немецких земель. Несмотря на существование единого немецкого государства в те времена, проблема соборности и единства волновала немецких националистов так же, как она была важна и для украинских националистов, к которым относился и Донцов.

¹⁹ Донцов Д. Підстави нашої політики. Нью-Йорк, 1957. С. 178.

²⁰ Там же. С. 98.

²¹ Эвола Ю. Языческий империализм / Под ред. А. Дугина. М., 1994. Далее об Эволе см.: Sheehan Th. Myth and Violence: The Fascism of Julius Evola and Alain de Benoist // Social Research. 1981. Vol. 48. № 1. P. 45-73; Griffin R. Revolt Against the Modern World: The Blend of Literary and Historical Fantasy in the Italian New Right // Literature and History. 1985. Vol. 11. № 1. P. 101-124; Drake R. The Revolutionary Mystique and Terrorism in Contemporary Italy. Bloomington, 1989. P. 114-134; Griffin R. Between Metapolitics and *Apoliteia*: The Nouvelle Droite's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the «Interregnum» // Modern and Contemporary France. 2000. Vol. 8. № 1. P. 35-53; Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism, and the Politics of Identity. N.Y., 2002.

²² Ван ден Брук А. Третий рейх // Традиция: русская энциклопедия. https://traditio.wiki/%D0%90%D1%80%D1%82%D1%83%D1%80_%D0%9C%D1%91%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%80_%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%B4%D0%B5%D0%BD_%D0%91%D1%80%D1%83%D0%BA:%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B9_%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D1%85. Последнее посещение 27 июня 2016.

Вместе с тем, геополитические воззрения, к примеру, Эрнста Никиша и ряда других мыслителей, иногда причисляемых к консервативной революции, резко контрастируют с геополитическими воззрениями Донцова. В первую очередь, это касается их неприкрытых симпатий к России как к союзнику Германии. У Никиша эта тенденция усиливается его симпатиями к большевизму: «Большевизм привел к хорошим результатам там, где он, например, как в России и Китае, может рассчитывать на свои собственные ресурсы у себя дома»²³. Донцов же негативно относится, и к России, и к большевизму. В частности, в работе *Московский яд*²⁴ он изображает украинский традиционализм как необходимый инструмент защиты как от большевизма, так и от беломонархического российского движения Деникина и Врангеля. Донцов предполагает, что «России необходимо уничтожить Киев и Варшаву как самостоятельные политические центры»²⁵. Геополитически взгляды Донцова имели балто-черноморскую ориентацию, что, видимо, повлияло на постсоветских украинских националистов, таких, как, например, движение «Азов», и их идею создания «Междуморья» или «Интермариума».

Другой темой, охотно освещаемой и Донцовым, и его немецкими современниками был вопрос о сути демократии. Они давали этому феномену отнюдь не современное понимание и были далеки от его либеральной трактовки. Несмотря на частые обвинения в адрес и Донцова, и консервативных революционеров в антидемократизме, они не отбрасывали демократию как таковую, а трактовали ее по-своему. Например, Артур ван ден Брук пишет: «Возможно, мы сможем утверждать, что Германия – это демократия, только тогда, когда больше не останется демократов»²⁶. Тут очевидно несовпадение трактовок понятия «демократия» у националистов и демократов.

Донцов еще в 1921 году, описывая демократизацию как часть вестернизации украинской нации и как необходимое условие отрыва от России, писал: «Под демократией понимается здесь, как уже многократно было описано выше, экономическая и политическая самостоятельность единиц», упоминая при этом существующий, по его мнению, кризис репрезентативной системы (парламентаризма)²⁷. Эдгар Юнг же разъяснил: «Настоящая демократия, то есть доминирование только метафизически понятного *volonté générale* – вот наивысший государственный идеал... В этом понимании демократия – абсолютный консерватизм»²⁸. В целом, трактовки и Донцова, и Юнга, и ван дер Брука, и других националистических мыслителей того периода относительно демократии различались. Однако, можно выделить некоторые общие черты в их мыслях, в частности, их совмест-

²³ Никиш Э. О сущности большевизма и фашизма // Портал сетевой войны. <http://www.rossia3.ru/ideolog/nashi/nikisch>. Последнее посещение 28 июня 2016.

²⁴ Донцов Д. *Московська отрута*. Торонто, Монреаль, 1955.

²⁵ Он же. *Підстави нашої політики*. С. 99.

²⁶ Цит. по: Зонтгаймер К. *Як нацизм прийшов до влади*. К., 2009. С. 159.

²⁷ Донцов. *Підстави нашої політики*. С. 108.

²⁸ Цит. по: Зонтгаймер. *Як нацизм прийшов до влади*. С. 161.

ное явное неприятие парламентаризма и нелиберальная трактовка понятия «демократия». Хотя они нередко утвердительно употребляли термин «демократия», они скорее были антидемократами. Для них «демократия» имела совсем другой смысл, нежели для демократических сил.

В этой связи стоит указать на другое терминологическое совпадение. В своей работе *Церковь и национализм* Дмитрий Донцов описывает различия между «старым» национализмом, близким к либерализму и социализму, антиклерикальным, материалистическим и атеистическим, негативно относящимся к церкви, с одной стороны, и своим «новым» национализмом, который «пришел к осознанию, что не лишь хлебом единым живет нация...», с другой. Донцов пишет, что «величие родного края, мечта о реванше, о славе, о национальной чести, счастье будущих поколений, которое придет "после наших уже костей" – все эти для материалиста "абстрактные" идеи новый национализм поставил выше счастья "всех"...»²⁹. Собственно, этому антагонизму старого (просвещенческого) и нового (мистического) национализма и посвящена работа *Церковь и национализм*. При этом Донцов активно ссылается на классиков интегрального национализма Шарля Морраса и Мориса Барреса, очевидно причисляя их также к числу «новых» националистов. Как известно, термин «новый национализм» упоминается Армином Молером как синонимичный понятию «консервативная революция»³⁰, а термин «консервативная революция» упоминался уже Моррасом.

Касательно терминологических совпадений и упомянутого синонимичного ряда консервативной революции надо, однако, отметить разницу между украинской и европейской реальностями 1920-30 годов. Донцов пишет о «другой» революции как не пролетарской, анти-эгалитарной, в некотором роде даже антибуржуазной. Термин «консервативная революция» он так и не упоминает. Труд Мольера *Консервативная революция в Германии 1918-1932 г.* с большой долей вероятности не был знаком Донцову. Вместо этого, Донцов много говорит о «традиционализме», что, однако, вовсе не роднит его с теми, кого в истории европейской философии принято называть «примордиальными» или «интегральными традиционалистами» – Рене Генона, Фритьофа Шуона и их последователей³¹. Их отождествление с явлением немецкой консервативной революции является очевидным преувеличением, принадлежащим перу Александра Дугина³². Идеи Донцова также имеют мало общего с идеями Генона и его последователей.

²⁹ Донцов Д. Церква і націоналізм. https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fshron.chtyvo.org.ua%2FDontsov%2FTserkva_i_natsionalizm.rtf. Последнее посещение 30 июня 2016.

³⁰ Цит. по: Синонимический ряд консервативной революции по текстам Армина Молера // Элементы: евразийское обозрение. <http://elements.lenin.ru/8riad.htm>. Последнее посещение 30 июня 2016.

³¹ Стефанов Ю.Н. Рене Генон и философия традиционализма // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 31-42; Sedgwick M. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. N.Y., 2004.

³² Умланд А., Шеховцов А. *Philosophia Perennis* и «неоевразийство»: роль интегрального традиционализма в утопических построениях Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 2. С. 169-186.

Донцов – апологет христианства в самых радикальных его проявлениях. Он не столько сконцентрирован на примордиальности и архаике, сколько на Старых временах, к примеру, на Средневековье. Последнее у Генона считается уже эрой упадка, так как, по учению интегрального традиционализма, последние инициатические культы уже прекратили свое существование в Европе к тем временам³³. Донцов, видимо, также не был знаком с идейными предтечами Генона и Эволы – ни с Джамбатисто Вико, ни с мартинистскими и масонскими кругами, ни с Бахофеном. Как уже отмечено выше, всего лишь Ницше был примерно одинаково положительно воспринят в творчестве и Донцова, и Эволы, как и у классиков немецкой консервативной революции.

Так или иначе, политические и философские идеи Донцова необходимо рассматривать в общеевропейском контексте – независимо от того, видим ли мы в них украинскую рецепцию консервативной революции, украинскую версию интегрального национализма или же явление принципиально другого типа. К этому обобщенно можно свести позиции и тех, кто считает консервативную революцию целостным и самостоятельным феноменом, и тех, кто отказывает ему в таком существовании. Идеи Донцова хотя и оказали большое влияние на украинское общество, но так и не стали стройной идеологической системой.

Однако от этого недостатка их значение не становится меньшим. Для многих именно «внесистемность» Донцова, революционность и дерзость, с которой он описывал современное ему общество, являются привлекательными. По большей мере, вопрос, входит ли Донцов в контекст консервативной революции, является не столь важным, как то, входит ли он в общеевропейскую тенденцию, которую одновременно представляли и Эрнст Юнгер, и Шарль Моррас, и Антонио Примоде Ривера, и многие другие, и которая иногда ассоциируется с такими понятиями, как «новый национализм», «интегральный национализм» или же «фашизм»³⁴. К консенсусу касательно вопроса, считать ли Донцова консервативным

³³ Sedgwick. *Against the Modern World...* Далее см.: Pallis M. *A Fateful Meeting of Minds*: A.K. Coomaraswamy and R. Guenon // *The Essential Ananda K. Coomaraswamy* / Ed. R. Coomaraswamy. Bloomington, 2004. P. 7-20; Quinn W.W. *The Only Tradition*. Albany, 1997; Oldmeadow H. *Traditionalism: Religion in the Light of the Perennial Philosophy*. Colombo, 2000; Chacornac P. *The Simple Life of René Guénon*. N.Y., 2001.

³⁴ *Fascism: A Reader's Guide* / Ed. W. Laqueur. Berkeley, 1976; Payne S. *Fascism: Comparison and Definition*. Madison, 1983; Griffin R. *The Nature of Fascism*. 2nd edn. L., 1993; *Fascism* / Ed. R. Griffin. Oxford, 1995; Laqueur W. *Fascism: Past, Present, Future*. Oxford, 1997; *International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus* / Ed. R. Griffin. L., 1998; *Fascism Outside Europe: The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / Ed. S. Larsen. N.Y., 2001; Eatwell R. *Fascism: A History*. L., 2003; *The Fascism Reader* / Ed. A. Kallis. Abingdon, 2003; *Critical Concepts in Political Science: Fascism*. 5 vols / Ed. R. Griffin, M. Feldman. L., N.Y., 2004; *World Fascism: A Historical Encyclopedia*. 2 vols / Ed. C. Blamires. Santa Barbara, 2006; *Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / Ed. R. Griffin, W. Loh, A. Umland. Stuttgart, 2006; Bauerkämper A. *Der Faschismus in Europa 1918-1945*. Stuttgart, 2006; Gregor A. *The Search for Neofascism: The Use and Abuse of Social Science*. Cambridge, 2006; Griffin R. *Modernism and Fascism: The Sense of Beginning under Mussolini and Hitler*. L., Basingstoke, 2007; *The Oxford Handbook of Fascism* / Ed. R.

революционером, если такое вообще возможно и желательно, вероятно только можно прийти в результате долгих дебатов по поводу истинной природы и границ самого явления консервативной революции.

Bosworth. Oxford, 2009; Wippermann W. Faschismus: Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert bis heute. Darmstadt, 2009. На русском языке в хронологическом порядке: Галкин А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Политические исследования. 1995. № 2. С. 6-15; Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Политические исследования. 1996. № 1. С. 175-176; Рахшмир П. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 153-157; Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922-1982. Новосибирск, 2000; Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001; Умланд А. Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5. С. 116-122; Гриффин Р. Революция Правых: Фашизм. 2004. <http://www.fti.dn.ua/~metlov/griffin.html>; он же. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51-63; Алленов С. Фашизм – многоликий и ...безликий? // Политические исследования. 2007. № 2. С. 180-185; Умланд А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг. // Агентство политических новостей. 10 апреля 2008. <http://www.apn.ru/publications/article19710.htm>; Гриффин Р. Введение к книге *Модернизм и фашизм*. 2009. http://www.shekhovtsov.org/translations/Griffin-Modernism_and_Fascism-Aufbruch.html; он же. Сегодняшнее состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неофашизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257-277; он же. Фашизм до и после Второй Мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 1. С. 341-354; Umland A. Challenges and Promises of Comparative Research into Post-Soviet Fascism: Methodological and Conceptual Issues in the Study of the Contemporary East European Extreme Right // Communist and Post-Communist Studies. 2015. Vol. 48. №№ 2-3. P. 169-181.